

Замкнутый круг: попытка выхода

Президент Медведев и киргизский парламентаризм

2010-09-22 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Президент Медведев уже дважды скептически высказался о попытке киргизов ввести парламентскую республику – форму правления, которую он считает не подходящей ни для Киргизии, ни для России. Президент даже сказал, что попытка ввести такую систему может иметь «катастрофические последствия». Вопрос о парламентской республике в России – слишком «теоретический», чтобы его серьезно обсуждать, но в Киргизии Конституция парламентской республики уже принята референдумом. Киргизская попытка вполне может провалиться, но это отнюдь не случайная попытка, в мотивах и причинах которой стоит разобраться.

Идея парламентской республики – часть комплекса политических идей, которые постепенно сформировались у группы киргизских политиков, оппозиционных акаевскому режиму и активно участвовавших в его свержении в 2005 году, затем вставших в оппозицию к новому, бакиевскому режиму и возглавивших апрельское восстание, положившее конец правлению Бакиева. Эти идеи возникли, таким образом, на основе богатого страшного опыта двух циклов становления, разложения и падения однотипных президентских авторитарных режимов.

Акаевский режим в основном сопоставим с ельцинским этапом нашей постсоветской эволюции, хотя после 2000 года можно отметить и некоторые путинские влияния. Как и Ельцин, Акаев пришел к власти на волне демократического движения как альтернатива коммунистам. Как и Ельцин, он был всей душой за демократию, но при одном условии – если президентом постоянно и гарантированно выбирают его. Как и Ельцин, он разогнал (правда, без пролития крови) парламент, «вставший на пути рыночных реформ» и проявлявший чрезмерный интерес к тому, как проходит приватизация и как расходуются деньги. В отличие от российского президента, сначала разогнавшего парламент, а потом спокойно организовавшего нужную ему Конституцию, Акаев вначале был вынужден смириться с Конституцией, которую парламент успел принять до своего разгона. Она была тоже Конституцией вполне президентской республики, но не удовлетворяла Акаева, и он многократно поправлял ее, используя референдумы и каждый раз освобождаясь от каких-то «сдержек и противовесов». Выборы и референдумы он проводил примерно так же, как они проходили в ельцинской России. Семья у него была ничуть не хуже ельцинской, и были свои Березовские и Абрамовичи – естественно, меньших масштабов. В конце правления он стал арестовывать своих противников по разным уголовным обвинениям. Отличий от России, конечно, было много, но это отличия в рамках одного типа режимов, непринципиальные.

Принципиально различались не режимы, а народы. Киргизские пороки – ничуть не меньше русских, и обе киргизские революции с их хаосом, мародерством и погромами демонстрируют эти пороки во всей красе. Но это другие пороки. У киргизов нет нашего воспитанного всей русской историей представления о нормальности и естественности авторитарной власти, нет готовности терпеть ее свинства. В киргизском прошлом вообще не было «своей» государственной власти, а была система родов и племен, в какой-то мере сохраняющая значение и до сих пор. Киргизы не испытывают священного трепета перед властью и легко восстают против авторитарного произвола. (Что отнюдь не говорит об их готовности к демократии, ибо они плохо подчиняются не только авторитарной власти, но и вообще законам, и организовать честные и упорядоченные выборы им едва ли не труднее, чем устроить революцию.) «Революционно-авторитарные» циклы, которые в других странах занимают достаточно длительное время, у киргизов – очень короткие. Поэтому русские терпели Ельцина и пришли в восторг, когда он передал власть назначенному им преемнику, а киргизы свергли Акаева.

Лидеры революции 2005 года стремились к цветной революции с длительным стоянием на площадях и переговорами. Но киргизы – слишком буйный народ, чтобы долго спокойно стоять на площади. А акаевский режим оказался слабее, чем предполагалось, и распался как картонный домик. В стране воцарилась анархия. И тут выяснилось, что революционеров объединяет только ненависть к акаевскому правлению и совершенно абстрактные (а у многих – и чисто словесные) стремления к демократии и правовому государству, но никаких ясных общих планов у них нет. Идеи 2010 года в 2005 году лишь вызревали.

В результате революция привела к воссозданию авторитарной президентской системы и новому циклу. Президентом стал бывший одно время при Акаеве премьером Бакиев, как и многие постсоветские премьеры, после отставки ушедший в оппозицию. Бакиев был глубоко убежден, что парламентская республика Киргизии не подходит и ей нужна сильная президентская власть, он считал, что с его приходом к власти революция выполнила свои задачи и теперь надо воссоздавать властную вертикаль. И Бакиев очень быстро догнал и перегнал Акаева, отстранив своих прежних соратников и создав режим более жесткий, более клановый и более коррумпированный, чем акаевский. Жутковатой чертой бакиевского правления была громадная роль спецслужб, во главе которых встал брат президента, и большая серия «таинственных» убийств противников власти. Бакиевский режим ориентировался на путинскую Россию: Бакиев создал свою партию «Светлого пути», очевидный аналог «Единой России», перешел от выборов по мажоритарным округам к пропорциональной системе и обеспечил своей партии конституционное большинство. Можно было бы начать спокойно править. Но тут его и свергли. Когда власти стали арестовывать одного за другим лидеров оппозиции, их сторонники просто вышли на улицы и пошли штурмовать Белый дом. Жесткий режим Бакиева оказался еще более хрупким и недолговечным, чем более мягкий режим Акаева.

В 2010 году политические идеи лидеров революции были уже значительно яснее и продуманнее, чем в 2005-м. Киргизские «революционеры» не только восставали, но и учились и думали. И выводы, к которым они пришли, вполне логичны, хотя и прямо противоположны медведевским. Они пришли к заключению, что если президентская республика два раза очень легко и быстро вырождалась в авторитарную систему, которая дважды свергалась народом, после чего страна погружалась в анархию и кровавый хаос, значит, надо идти по совсем иному пути. Третий раз воссоздавать президентскую властную вертикаль – это значит вступать в третий революционно-авторитарный цикл. Медведев говорит о теоретических «катастрофических последствиях» никогда еще не испытанной Киргизией парламентской системы. Но для киргизских лидеров были очевидны вполне реальные катастрофические последствия дважды испытанного ими президентского авторитаризма.

Революционная хунта сделала своим лидером и «президентом переходного периода» без права участвовать в следующих президентских выборах Розу Отунбаеву, единственную женщину в руководстве, – опасность ее авторитарного перерождения исчезающе мала. Но самое главное – киргизские лидеры смогли быстро разработать и провести через референдум Конституцию, которая, как они надеются, поможет им выйти из циклов: революция и хаос – авторитаризм – новая революция и новый хаос. Можно, очевидно, назвать три основных принципа новой Конституции. Во-первых, это парламентская республика с резко ограниченными полномочиями президента. Во-вторых, это выборы только по партийным спискам, что должно ослабить роль кланово-племенных и местнических лояльностей. В-третьих, это положение, согласно которому, сколько бы голосов партия ни получила на выборах, она не может иметь в парламенте более 65 мест из 120. (Это оригинальный плод киргизского законотворчества, возникший из опыта выборов в бакиевский парламент и, очевидно, опыта других постсоветских стран.)

Я отнюдь не хочу сказать, что у киргизов «все получится». Трудности, с которыми они столкнулись и еще столкнутся, – грандиозны. Провал киргизской попытки перехода к демократии и продолжение авторитарно-революционного цикла вполне возможны. Но в любом случае это серьезная и даже «героическая» попытка. И я думаю, что нам следовало бы быть осторожнее в своих суждениях и тем более высказываниях. Не надо говорить «под руку» людям, совершающим болезненную рискованную операцию перехода от одной системы к другой. Не стоит слишком доверять оценкам напуганных центральноазиатских правителей. Да и учить киргизов и давать им советы вряд ли имеет смысл. Когда американцы учат других демократии, эффективность этого сомнительна, ибо свой опыт не передашь, и он просто не пригоден в странах с другой культурой, а поучения вызывают раздражение. Но американцы хотя бы имеют на это некоторое моральное право, ибо сами живут в стабильной эффективной демократии. Нам пока что учить нечему. Мы делаем только самые первые и самые робкие шаги в сторону от нормальной постсоветской авторитарной системы, естественно идущей к нормальному для таких систем концу. Нам нужно только пытаться понять, что происходит в Киргизии, и пожелать

киргизам успеха. Ибо любой успех демократии на постсоветском пространстве и вообще в мире приближает ее успех у нас.